

[Л.15]

Стенограмма беседы с ответственным секретарем редакции журнала «Советский Львов» тов. Вовком Михаилом Степановичем.

Беседу проводил стар. науч. рабочий Комиссии по истории Отечественной войны в Украине при АН УССР тов. Марковский М.

Стенографировала Вилькова Ж.Б.

г. Львов, 2 июня 1946

Родился в 1902 г. 5 ноября во Львове. Отец чернорабочий. Окончил классическую львовскую гимназию в 1921 году. С 1922 по 1926 год был студентом нелегального Украинского Университета. Этот университет я не закончил, потому что в 1926 г. этот университет перестал существовать и нельзя было сдавать экзаменов.

С 1921 г. начал участвовать в политической жизни и в этом же году был впервые арестован и признан как коммунист. *По этой причине я не мог нигде получить себе постоянной должности и был преимущественно безработный. В 1921-1925 гг. я был членом комсомола.* С 1925 по 1937 год был в партии Зап. Украины. В партию я поступал как легальный коммунист. Преимущественно моя работа была культурно-образовательная в рабочих массовых организациях. Также я сотрудничал в легальной сельской рабочей печати, это была газета «Свет» и «Сила». Также был литературный журнал «Окно». Затем, из-за того, что был связан с полиграфическими заведениями, партия мне поручила издавать газету однодневку. А именно: *подыскивать редакторов, подписывать газету-однодневку, организовать похищение пластины тиража перед конфискацией и тому подобное.* Так как я был безработный, то должен был заниматься такой работой – давать лекции, заниматься строительными работами, а также у меня работали сестры ~~и больше~~ а когда не было работы я был на их содержании, сестер, которые работали. Арестован я был, наверное, 14 раз. [Л.16] Однажды меня осудили на 5 лет, это было 1934 в Луцке. 5 лет я находился в тюрьме. ~~Общий тюремный мой стаж был 7 лет,~~ также был лишен гражданских прав на 10 лет. Потом я еще раз был арестован, сидел 7 месяцев в тюрьме и 5 месяцев был под надзором полиции. *Общий тюремный стаж – около 7 лет.*

В 1939 году пришла советская власть. Во времена советской власти я пошел работать в типографию Академии Наук УССР как корректор и в то же время был заочником Львовского госуниверситета. Здесь я работал с 1939-1941 г., до начала войны. Война захватила меня во Львове на этом посту.

При немецкой оккупации я все время работал корректором в украинском издательстве до прихода советской власти. Там оставались на 66.000 рублей советских учебников и другой литературы, также были пишущие машинки и поэтому я там оставался до последних дней немецкой оккупации, чтобы все это

сохранить. С приходом Красной Армии все эти учебники сдали в Книгокультторг.

В августе 1944 пошел работать в Университет диспетчером в деканате исторического факультета. В ноябре 1944 года меня мобилизовали и я два месяца был на пересыльном пункте, где из меня сделали писаря барака и я должен был работать при формировании роты. У меня открылся процесс туберкулеза и на два месяца меня уволили на лечение, а затем комиссия признала меня нестроевым.

Потом я пошел работать корректором в издательство «Советская Школа». Через месяц я был там техническим редактором и работал там с января 1945 до января 1946 года. Но с половины января 1946 по указанию Обкома КП(б)У меня перевели в редакцию журнала «Советский Львов».

Немцы вступили во Львов 28 июня 1941. На улицу я не [Л.17] выходил, знаю из рассказов, что было в первые дни прихода немцев. В первую очередь, под церковью Св. Юра на площади была демонстрация. Собралось, как рассказывали, несколько тысяч народа, где встречали украинский националистический легион, пришедший с немцами. Была создана националистами полиция из местной молодежи, носили желто-голубые повязки. Второго-третьего дня националисты создали биржу труда и назначили во всех правительственных учреждениях директоров и служащих.

Сейчас же после первого дня немцы разоружили эту полицию. Например, на ул. Кадецкой возле дома офицер. школы загнали их на ночь в кусты, а на утро приказали разойтись домой. Почти через неделю как пришли немцы они приказали поснимать все желто-голубые флаги со всех учреждений. Также через неделю все эти назначенные директора ушли в отставку, а их заменили немецкие руководители: райхсдойче и фольксдойче. Украинский националистический легион был также распущен. Националисты в типографиях начали выпускать плакаты с голубо-желтыми флагами и с лозунгами «Да здравствует Свободная Украина» и т.д. Но немцы эти плакаты конфисковали. На улице Лозинского в одном из домов находилось украинское гестапо, куда приводили людей, на которых доносили, и там над ними издевались. Это украинское гестапо существовало с неделю, оно также было немцами распущено. Вообще все эти учреждения существовали по несколько дней.

Когда пришли националисты, они принесли с собой плакаты, что они (ОУН) борются против Советского Союза за свободу всех народов, немцы им помогают и т.д., и эти плакаты были расклеены по городу. Украинское правительство было провозглашено, но к работе не приступило. Во главе Горуправы две или три недели был украинский националист проф. Полянский, которого потом «сменил» немец. Выходила газета «Львовские Известия», это был орган Горуправы.

В 1941 г. немцы начали арестовывать бандеровцев. Бандеровцы, [Л.18] которые пришли с немецкой армией для того, чтобы создавать свою власть в захваченных немцами городах Украины, уже в конце августа 1945 немцы начали

их арестовывать как во Львове, так и в городах Приднепровской Украины. Таким способом бандеровцы приобретали для себя политический капитал.

Националисты из группы Мельника служили в немецком гестапо преимущественно в должности переводчиков, а также служили в немецкой армии, в том числе, как военные корреспонденты – прим. Сагайдачный.

Во Львове немцы сменили названия улиц. И здесь еще раз люди увидели, какая будет эта Украина под немецкой властью, которую так хвалят националисты, когда ул. Шевченко, Ташкевича т.д. переименовали. А Кубийович, выпуская физическую карту Украины, вынужден подписать ее: «Карта причерноморских краев».

Если кто-либо из неосознанных рабочих думал, что немцы дадут все и будет свободная Украина, то сразу все надежды были разбиты, широким массам рабочих сразу стало ясно, что не на что надеяться. В связи с политикой истребления люди сейчас же увидели разницу между советской властью и властью немецкого фашизма. Зарплата была очень низкая. Продуктов выдавали также очень мало. Никаких организаций у них не могло быть. Руководители были преимущественно все немцы или фольксдойче. Вот, например, в железнодорожных варстатах или в трамвайном тресте побои рабочих со стороны цеховых мастеров и других надзирателей были ежедневно. Рабочих также арестовывали даже без политических мотивов. Например, одного печатника заперли на полгода в концлагерь за какие-то две ошибки в наборе. За нарушение дисциплины работы отправляли на полгода в лагерь принудительных работ, а также отправляли в такие лагеря в Германию. Вот, например, на фабрике консервов Рукера был ректор ..... который страшно издевался над рабочими. И вот в 1943 году этого директора нашли в цехе с разрезанным животом: так уже достало людей.

~~Здесь~~ Во Львове были также итальянцы, которые у нашего населения имели огромные симпатии. Они продавали револьверы и другое оружие.

На Клепаровском вокзале был один немец, который всегда ходил с собакой, бил местных жителей и натравливал на них собаку. [Л.19] Но мадьяры его так избили, что он был отправлен в больницу. Тогда мадьяры у населения завоевали немножко симпатии. К немцам же население относилось с ненавистью.

По поводу фактов саботажа: сгорела фабрика деревообрабатывающая, (фабрика по Городецкой рогатке), ~~якобы было сделано~~ которую сожгли члены гвардии им. Франко. Большое недовольство вызвал также ~~рабочий фронт~~ Баудинст, куда забирали ребят 18-22 лет, которые должны были отбыть т.н. «Службу Родине». ~~Это был так называемый Arbeitsfront, Baudienst (арбайтсдинст, Баудинст) — служба строительства.~~ Это была организация Тодта. Кто дезертировал из этой службы шел в штрафные батальоны или отправляли в Германию. Формально это дело по мобилизации молодежи возглавляли националисты УЦКа. Таким образом они планировали создать военные кадры. Поляки имели отдельный Баудинст, а украинцы – отдельный. За отказ идти в эту

организацию семья такого парня подлежала репрессиям. Молодежь должна была находиться в этих рабочих батальонах, но кто из них нарушал дисциплину, пробовал дезертировать, попадал в штрафные лагеря. Один из этих лагерей был около г. Стрия, где люди работали на очень тяжелых физических работах и их иногда колючей проволокой привязывали к столбу.

Был случай, когда ночью в этот лагерь штрафного отдела в 1943 г. заскочили партизаны, неизвестно какого направления, и освободили всех людей этого лагеря.

В Германию молодежь забирали отдельно. В средних школах в 1943 г. шла агитация родственников или родителей, чтобы они высылали своих детей – мальчиков от 14-18 лет в Германию на обучение их к противовоздушной обороне, обслуживать армию и другое, потому что в Германии молодые ребята уже эту работу делали. Брали украинских детей. В школах созвали родителей, которых [Л.20] агитировали офицеры СС, дивизия Галиция и родственники не знали, что делать со своими детьми, потому что с одной стороны был напор дивизии, а с другой – кто был в гимназии, все равно их высылали. Это было как раз то время, когда немцы отступали (февраль 1943).

В 1944 году весной была объявлена принудительная мобилизация в Германии возрастов 18-36 лет и все мужчины должны были проходить комиссию. Поляков брали в отдел труда, а украинцев брали в немецкую армию, а ремесленников – слесарей, токарей – брали в организации Тодта. Этих мобилизованных направляли на запад, но не знаю, какая из этих групп приехала в Германию, потому что были группы людей, которые *при отступлении немцев* пришли назад из Кракова. Это о состоянии рабочих. Вообще рабочий класс немцам не симпатизировал.

С приходом немцев начало развиваться украинское купечество. *Наплывало много кулацкого элемента из сел. Появилось много мелких спекулянтов, которые перепродавали преимущественно ворованные немцами товары.* Например, на ул. Шевченко была небольшая фабрика мыла и свечей. Ночью на фабрику заехала большая грузовая автомашина и забрала всю продукцию, которая там была. Затем все это было на рынке. Так же было в Маслосоюзе. Были такие случаи, что воровали по 10 и более ящиков масла, которое также было на другой день на рынке. Больше всего эти кражи росли в то время, когда немцы убегали из Украины. Были случаи, когда целые машины колбасы, *сахара и т.д.* останавливались на улице, сбегались спекулянты, которые за полчаса все разбирали.

В связи с уничтожением евреев наживалась большая масса мелкого мещанства, которые все скупали и перепродавали. Кроме того, была целая масса предпринимателей, которые занимались посредничеством между гестапо и евреями. Гестаповцы продавали документы через некоторых лиц, по которым евреи на некоторое время не были евреями. Это был способ, которым наживались гестаповцы. Немцы скупали бриллианты у этих спекулянтов. Но потом, [Л.21]

чтобы стереть за собой следы, гестаповцы убивали этих посредников. Таким образом погиб почти миллионер Щудрак, также погиб Фирлей, *фабрикант косметики*. Гестаповцы их убили, чтобы не было никаких следов, так как через них евреи покупали документы.

Моральное разложение гитлеровцев шло сверху. Губернатора Галиции расстреляли за то, что он накладывал на евреев контрибуции, которые забирал себе.

Состояние интеллигенции. У учителей была *низкая* зарплата и они были в своей работе ограничены. Профессора высших школ вообще не могли быть удовлетворены, так как никаких высших школ не было. Во Львове было две гимназии. Сетка средних школ значительно сократилась. Польских *средних* школ не было вовсе, а украинских было две укр. гимназии. В отношении народных, низших школ, то их было 6-8. В отношении высших школ, то *здесь вместо них* были только медицинские и политехнические курсы. Университет не существовал. В университете сделали какой-то немецкий суд, а во втором университете сделали станцию по изготовлению вакцины против тифа. Вот, например, профессор Кордуба, историк, должен был работать в Народной Торговле в главной канцелярии.

Все профессора и учителя, а также трудовая интеллигенция сейчас же увидели разницу между советской и немецкой властью, и здесь у ~~них~~ *тех, кто надеялся на немцев*, произошел перелом.

Так же было и с театром: советская власть заботилась о театре. Но во времена немецкой власти интеллигенция увидела отношение немцев к укр. театрам. Так что ~~от~~ и профессора, ~~до~~ и художники ~~произошло моральное переосмысление~~, увидели, что потеряли с уходом Красной армии.

Среди интеллигенции с немцами открыто мирились Кубийовичивцы и мельниковцы, ~~которые составляли~~ *Это была* продажная часть, которую можно было купить. Но все честные люди не имели с немцами ничего общего.

Украинские националисты из лагеря ~~мельниковцев~~ Кубийовича и Мельника широкого влияния среди населения не имели. Вокруг них собирались те элементы населения, которые прежде всего ставили на первое место свои шкурные интересы, а не общественные. Это были деморализованные [Л.22] продажные элементы. Мельниковцев поддерживали также кулацкие элементы. Свое сообщничество с немцами они оправдывали тем, что надо использовать обстоятельства для того, чтобы создать некоторые учреждения, создать вооруженные силы в виде украинской полиции, которые потребуются в то время, когда немцы будут проигрывать войну и возникнет возможность создать отдельное украинское государство. На эти силы можно будет опираться в борьбе с поляками и с большевиками, советской властью, чтобы не повторилось то, что было в 1918 году.

С этой же целью кубийовичивцы и мельниковцы в 1943 г. начали создавать СС-дивизию Галиция. Фактически она была нужна немцам как дополнительная

военная сила, потому что они испытывали недостаток в военных резервах. Они вели такую акцию, чтобы в эту дивизию вступали все видные люди. Им предлагали так: соглашайтесь вступить в СС-дивизию Галиция, а там увидим. В СС-дивизию вербовалась украинская молодежь. Перед ней ставили такую дилемму: или иди в дивизию, а если не пойдешь в дивизию, то будешь вывезен в Германию или пойдешь в Баудинст. Кроме того, в ряде случаев представителям украинской интеллигенции агенты УЦК по некоторым учреждениям, в театрах, школах и т.д. говорили так: надо, чтобы все активные представители украинского общества вступали в СС-дивизию Галиция, но формально в армию они не пойдут, ибо они бронированные на местах своей работы. Так, например, было со Степаном Крыжановским, помощником режиссера. Дирекция сказала ему, чтобы он согласился вступить в дивизию СС Галиция с тем, чтобы он мог остаться в театре, а не идти в дивизию. Но весной начали уже призывать к действительной службе и Крыжановского забрали. Если бы не его брат-купец, который выкупил его за 20.000 злотых, то он бы был пошел в дивизию. Тоже было так с одним учителем [Л.23] II-й украинской гимназии Скибой, которому не за что было откупиться и он пошел в дивизию.

В эту дивизию в основном люди были загнаны разными принудительными обстоятельствами. Люди бандеровской идеологии все шли, бесспорно, в лес, *потому что бандеровцы лучше использовали противонемецкие настроения в массах*. Есть сведения, что дивизия была оставлена при отступлении немецких войск в районе Бродов без предупреждения и там почти все погибли.

Когда в 1944 году немцы бежали, между украинской интеллигенцией можно было услышать, что Советский Союз войну выигрывает, но Красная армия дойдет только до линии Керзона и там остановится. Вся эта украинская интеллигенция, которая убегала ~~с поляками~~ *на Запад*, уехала в Криницу и другие близлежащие местности и решила, что сюда Красная армия никогда не придет. Такое понимание было и среди интеллигенции из лагеря УЦК.

Также укр. интеллигенты боялись поляков, а именно что с отступлением немцев они вырежут их. Эти опасения имели некоторые основания: во время боев на улицах Львова польские боевики из «АК» убили шестьдесят украинцев.

Основные представители украинской интеллигенции во Львове, как академик Колесса, академик Щурат, профессор Крипьякевич, Барвинский, Терлецкий – твердо сохранили ориентацию на возвращение советской власти. Профессор Терлецкий и другие выехал из Львова в Сколе потому, что боялся бомбежки.

Одним из препятствий в моей работе по агитации украинской интеллигенции от побега на запад было то, что националисты, которые бежали с большой Украины вместе с немцами, распространяли такие слухи, что Красная армия уничтожает сразу всех, кто работал в каком-нибудь немецком учреждении, а также забирает людей в армию, на строительство, чтобы их истребить.

Ко мне очень часто обращались с такими вопросами, что сделают ему, когда придет Красная армия, я говорил, что гарантирую, что ничего не будет им сделано. Вот, например, Степан Крыжановский спрашивал: «Дай мне гарантию, что мне большевики ничего не сделают, что я ~~был~~ *согласился вступить* в дивизию СС». Но он в этой дивизии не был. Здесь также не хватало того, что не было разъясняющих [Л.24] листовок с советских самолетов, которые противодействовали бы этой немецкой агитации. Крыжановский все-таки поехал на запад, потому что боялся, что с приходом Красной армии с ним случится что-то плохое. Были листовки партизанской организации им. Франко, написанные на машинке, содержание которых разъясняло людям, чтобы они не бежали, не слушали немецкой агитации, чтобы рабочие препятствовали немцам вывозить оборудование и т.д. Некоторые все-таки уехали, а значительная часть жителей Львова осталась на месте. Мне приходилось разговаривать во время немецкой оккупации, напр., с профессором Крипьякевичем. В этих разговорах он, сравнивая советский строй с порядком, который образовали немецкие оккупанты, подчеркнул, что большевики лучше умеют подойти к массам и советская власть действительно народная власть, и немцы обязательно должны проиграть войну.

Львовские украинские журналисты для того, чтобы иметь возможность работать, должны были зарегистрироваться в отделе пропаганды дистрикта, заполнить специальную анкету с фотографией, потому что без этого у них не было разрешения работать в прессе. Немцы для того, чтобы использовать журналистов в своих целях, выдавали им дополнительные карточки на питание. Поэтому в прессе в немецкое время работали беспринципные журналисты-ремесленники, которые могли работать для кого угодно, чтобы была плата. Типичными такими представителями прессы во время немецкой оккупации были Юрий Шкрумеляк, Боднаревич и многие другие.

Во времена немецкой оккупации было создано Украинское Издательство. Это было акционерное общество фактически частного характера. Главную роль в этом обществе играл председатель УЦК Кубийович. Он имел наибольшее количество акций и доходов с этого издательства. У этого издательства была монополия на издание школьных учебников, школьной документации (бланков). [Л.25] Издательство выдавало, *между прочим*, литературу контрреволюционных националистических авторов, как тех, что в свое время были разоблачены на Приднепровской Украине – Влесько Антоненко, Давыдович и другие, а также и авторов-эмигрантов, находившихся на западной Украине и которые принадлежали к фашистскому лагерю – Евгений Маланюк, Юрий Клен, Гай-Головка и другие. Издательство также выпускало небольшое количество агитационных антисоветских брошюр.

Во время немецкой оккупации для жизни львовского населения характерно распространение различных частушек, которые описывали политические и

другие события и обычно имели антигерманское направление. Вот, напр., частушка, которая пелась на польском языке:

У евреев нищета,

У поляков деньги,

У украинцев полиция,

А у немцев – Галиция. *(при нем. власти во Львове были польские злотые)*

Немцы на территории Львова создали режим ужасного террора. Можно вспомнить следующие отдельные конкретные случаи, кроме общеизвестных:

I. На Стрелецкой площади в 1944 году весной немцами были расстреляны 4 человека как заложники за убийство какого-то немецкого солдата.

II. На Армянской улице, напротив армянского костела, немцами было расстреляно 4 человека, которые были связаны проволокой, за убийство какого-то немецкого сержанта, которого на самом деле убили его же товарищи-немцы во время совместного распития спиртных напитков (пьянки).

III. Около рынка, недалеко от театра оперы и балета немцы повесили одного человека, а 6-7 расстреляли. Среди них были 2 парня, бежавших из Баудинст, для устрашения другим.

[Л.26] IV. На Кульпарковской дороге немцы повесили одного человека за укрывательство евреев, а 3 евреев расстреляли.

Вообще во время немецкой оккупации можно было видеть также случаи, когда немцы на улицах били отдельных людей, на рынке почти без денег забирали продукты, напр., за масло, которое стоило 200-300 золотых, давали 1 ½ золотых. Если торговцы с этим не соглашались, немцы их били. Сначала проходили систематические облавы, людей забирали на рынке и вывозили в Германию. Затем установилась связь между спекулянтами и немецкой полицией. Спекулянты давали деньги, а отдельные немецкие полицейские за это предупреждали о будущих облавах и тогда весь базар, конечно, разбегался.

Был такой случай, когда был арестован украинский инженер Пясецкий за отказ выдать дрова из леса. Накануне своего освобождения из гестапо он был расстрелян вместе с 200-ми другими арестованными украинцами. Причина расстрела была та, что на улице Жулинского бандеровцами были убиты 2 гестаповца, которые сделали засаду в помещении, где должно было состояться собрание или съезд бандеровцев.

В настроениях украинской интеллигенции характерен такой случай, который был со старшим сыном Стефаника – Юрием Стефаником (Гамора). В первое время с приходом немцев он пристал к активным националистам и даже поехал с немецкой армией на восток. Но очень скоро был там немцами арестован и привезен во Львов. Здесь его освободили и он вышел из тюрьмы уже с другими настроениями. Он был после этого враждебно настроен к немцам и говорил, что все-таки большевики лучше немцев. Но полностью избавиться от влияния национализма он, видимо, не мог и поэтому при отступлении немцев поехал с ними.

[Л.27] Во Львове в 1943 году в июне было окончательно ликвидировано гетто. В этом участвовали украинская и немецкая полиция. Во время этой акции со стороны жителей гетто было оказано сопротивление. (Подробности неизвестны). Гетто было окружено полицией и это сопротивление продолжалось несколько дней, была даже перестрелка. *Немцы поджигали дома, чтобы выкуривать людей.* Евреи скрывались под домами, в подземных ходах, канализации, некоторая часть, более 100 человек, так спрятались, что немцы их не нашли, но через некоторое время они вынуждены были выйти, потому что нечего было есть, их снова схватили и убили. Сразу после того, как евреев вытаскивали из домов, их сейчас же расстреливали по команде немцев. В стороне стоял немец-кинооператор, все это фотографировал, а потом в Вене и других городах демонстрировалось в хронике, как украинцы расправляются с евреями.

Были и такие случаи, когда население укрывало евреев. Так, например, Омелян Владимирович Масляк, директор библиотеки, в своем доме скрывал 8 евреев, которых и кормил. А в помещении библиотеки спрятал 114 евреев, во время второй акции – 86 евреев. Но как-то гестаповцы набрали на одну из комнат библиотеки, которую, к счастью, Масляк не обозначил табличкой, где были евреи. Немцы забрали Масляка и вели на расстрел. Но Масляку удалось убедить немцев, что эта комната ничего общего не имела с его библиотекой (Масляка выдал немцам еврей). И только так ему удалось выкрутиться.

Во второй раз гестаповцы пришли в дом ночью. Евреи сидели под книгами, один из них сидел под столом, на который сел гестаповец. Масляк от страха трясся и немцы отнеслись подозрительно, почему он трясется, но Масляк тут же, собравшись с силами, напоил немцев водкой, которая была очень сильная и немец думал, что Масляк их отравил, выхватил револьвер, чтобы его расстрелять. Совсем случайно ему удалось и на этот раз выкрутиться. Тов. [Л.28] Масляк сейчас работает директором областной библиотеки. А эти 8 евреев сейчас живые живут во Львове и скоро уезжают.

М. Волк

(М. Волк)

[подпись Марковского]